

короля Августа, когда переговоры о союзѣ съ Россіей пошли живѣе, онъ напомнилъ о диссидентахъ и предложилъ включить отдѣльную статью о нихъ въ имѣющій заключиться трактатъ. «Давно очень и неоднократно польскіе диссиденты просили моего покровительства,—писалъ онъ Сольмсу еще въ октябрѣ 1763,—чтобы возвратить принадлежащія имъ права, которыя у нихъ несправедливо отняли и въ особенности настоять на томъ, чтобы не стѣсняли ихъ свободу совѣсти. Эта просьба показалась мнѣ тѣмъ болѣе справедливою, что, по примѣру моихъ предшественниковъ, я всегда принималъ къ сердцу интересы упомянутыхъ диссидентовъ и вопросъ этотъ былъ даже предметомъ особой статьи во всѣхъ трактатахъ между Пруссіей и Россіей, которая, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ въ этомъ дѣлѣ одинаковый интересъ со мною, такъ какъ есть диссиденты греческаго исповѣданія... Я желаю, чтобы вы безотлагательно поговорили объ этомъ съ министрами императрицы и предложили имъ включить статью о правахъ диссидентовъ въ составляющійся теперь союзный трактатъ». Съ тѣхъ поръ онъ нѣсколько разъ возвращался къ этому вопросу, точно будто диссиденты составляли главный для него вопросъ въ Польшѣ. Екатерина очень благосклонно относилась къ диссидентамъ, но очевидно важности имъ особенной не придавала и рѣшила отложить это дѣло до избранія новаго короля, чтобы потомъ покончить его при помощи его и Чарторыжскихъ. Это отнюдь не удовлетворяло Фридриха. «Я былъ очень радъ узнать о благопріятномъ настроеніи русскаго двора въ пользу польскихъ диссидентовъ,—пишетъ онъ снова Сольмсу въ началѣ 1764 г.—Оно вполне согласуется съ покровительствомъ, которое этотъ дворъ всегда имъ оказывалъ и съ участіемъ, которое онъ естественно долженъ принимать въ диссидентахъ греко-россійскаго исповѣданія. По моему мнѣнію, однако, для поддержки ихъ не слѣдуетъ ожидать избранія новаго короля, но стараться, напротивъ, включить о нихъ статью въ самыя *Pacta conventa*. Не сомнѣваюсь, впрочемъ, что они сами безпрестанно обращаются къ императрицѣ, и я убѣжденъ, что государынѣ угодно будетъ приказатъ гр. Кейзерлингу содѣйствовать охраненію ихъ правъ и преимуществъ». Разумѣется, и тутъ, какъ всегда въ отношеніяхъ съ Россіей, его надежды не обманули его: польскіе диссиденты дѣйствительно разъ и другой обратились къ императрицѣ, и полтора мѣсяца послѣ предъидущей депеши Фридрихъ приказываетъ своему послу выразить русскому двору удовольствіе, доставленное ему благопріятнымъ отвѣтомъ ея величества этимъ диссидентамъ и инструкціями, которыя она, вслѣдствіе этого, по-